

МИФОЛОГИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ КАК РЕСУРС ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

Г.Н. Калинина

*Белгородский государственный
институт культуры и искусств*

Сегодня вполне очевидно: социально-гуманитарная наука, в основе исследований которой были заложены далеко не диалектические методы, в определенный исторический период стала прямым участником идеологического оболванивания собственного народа, по сути, вместо раскрепощения личности советская система воспитания и образования была направлена на формирование безропотной, легко управляемой толпы. Началом же негативного воздействия политики на историческую науку, послужило известный документ «О некоторых вопросах истории большевизма», завершившийся жестким постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса ВКП(б)», которое в принципе не допускало никаких произвольного толкования важнейших вопросов партийной теории и истории партии», поскольку «история не есть самодовлеющая задача, – история есть величайшее орудие борьбы на идеологическом фронте, и другого смысла она не имеет»¹. В итоге - критерий политической целесообразности подменил собою требование объективного научного освещения исторического процесса в русле следования «правилам научной честности» (выражение И.Лакатоса).

Историческая наука в результате утраты монистическим мировоззрением своего господствующего положения не только потеряла прежние авторитетно-приоритетные позиции в сфере государственного образования. - В конечном счете, отношение к отечественной историографии трансформировалось в сегодняшний подавляющий скептицизм как у тех, кто образовывает наших молодых сограждан, преподавая в школах и вузах страны, так и в среде массового потребителя исторической продукции в целом. А могло ли быть иначе? С позиции философско-критической рефлексии и один из вариантов ответов может быть следующим.

Динамичный и масштабный процесс формирования независимых национальных государств в результате распада СССР в свою очередь инициировал потребность в новых официальных теоретических каркасах

¹ *Афанасьев Ю.* Феномен советской историографии / Ю.Афанасьев // Отечественная история. 1996. № 5. С. 146-156

национально-государственной истории для каждого из национальных субъектов с одновременным привнесением в систему исторического знания явно выраженного националистического окраса. «Национализация истории» стала разворачиваться в постсоветский период именно тогда, когда в связи с масштабными переменами в стране многие виднейшие обществоведы, как западные, так и отечественные, выражали уверенность, что возвращение советских историков в мировое сообщество необратимо. Как отмечал французский историк Р.Шартье, идеологизированная официальная наука, результаты которой были обратно пропорциональны ее доктринальной уверенности, - исчезнет окончательно¹. Другие исследователи, обосновывая свою оппозиционность в данном вопросе, утверждали, что исчезновение границы между постсоветской и мировой исторической наукой – пока во многом иллюзия². К настоящему же моменту стало вполне очевидным, что вполне «законное» место академических структур официальной историографии заняли в независимых государствах СНГ и Балтии (как и в непризнанных государственных образованиях, и в «суверенных субъектах РФ» постсоветского периода) несколько десятков вполне «официальных» или «официозных» историй. «Новые» историографии на стадии «бури и натиска» определенно были не в состоянии выдержать достаточно тактичным, сдерживающим такой натиск призывам и пожеланиям «со стороны», исходивших от видных ученых. Они предупреждали, что «ни один серьезный историк... не может быть завзятым политическим националистом», и обращали при этом внимание, на то, что национализм требует слишком большой веры в то, что явно не существует, и следовать ему, значит, иметь неверное представление о своем прошлом³.

В контексте становления в XIX-XX вв. национальных государств и принявшей поистине массовый характер «национальной идеи», отмечает французский ученый, иностранный член РАН М.Эмар, «прошлое должно было оправдывать настоящее» и «практически не оставалось пространства для свободного толкования истории». Новая, даже, «общая европейская история», будет «кардинально отличаться от прежней модели». И поскольку государство больше не рассматривается как необходимая форма существования нации», то и «рамки национального государства не являются общепринятым форматом для исторического исследования.⁴

Системно-цивилизационные по своей природе и последствиям процессы, стремительно развернувшиеся на постсоветском культурно-

¹ Арон Р. Мнимый марксизм / Р.Арон. М., 1993. С 380.

² Афанасьев Ю. Феномен советской историографии / Ю.Афанасьев // Отечественная история. 1996. № 5. С. 149.

³ Зверев В.В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику / В.В.Зверев // Вопросы истории. 2000. № 4. С.71.

⁴ Гобозов И. А. Социальное познание / И.А. Гобозов // Философия и общество. 2000. № 2. С. 98-99.

историческом пространстве, обрели чрезвычайно болезненную форму и для самого гуманитарного знания. В своей совокупности они оказались настолько малоперсказуемыми, что ввергли социогуманитарное знание в состояние «эвристического ступора». Среди них в первую очередь следует выделить такие, как: сочетание глобальности и локальности масштабов, исключительно высокая (даже по критериям динамичного современного века) скорость протекания, множественность проявлений, феноменальная способность трансформации совершенно, казалось бы, утопических проектов во вполне ординарную действительность и другие черты и признаки. Убедительным примером сказанного может служить воздействие, оказанное на профессиональные сообщества гуманитариев «триумфальным шествием» национализма по странам, где ряд десятилетий одним из каркасов, своего рода несущей опорой официальной идеологии, выступал пролетарский социалистический интернационализм.

С достаточной очевидностью можно констатировать, что в современную эпоху национализм, его многоликие формы и вариации, занимает совершенно особую нишу в общественном сознании. Исследователи данного феномена высказывают в целом схожие точки зрения, говоря, что наблюдается превращение национализма в фактор, сравниться с которым по масштабности и по воздействию на судьбы нашей страны как бывшего «второго мира» не может никакой другой¹.

Этногенез и этнические процессы, национализм и национальные движения в различные периоды являлись в советскую эпоху объектом особо бдительного и жесткого партийно-идеологического контроля. Наступление национализма в 80-90-е годы прошлого столетия разворачивалось в условиях, когда наша наука пребывала в состоянии, с одной стороны, принудительной изоляции, а с другой, отчасти вполне уже добровольной самоизоляции от мировой историографии. Как показывает ход истории, процесс распада СССР закономерно в первую очередь стимулировал появление масштабного и многопланового опыта обобщающего описания практик «национализации» истории в последний период существования Советского Союза и в первые годы жизни новых независимых государств – наследников СССР.

Известно, что история – это тот фундамент, без которого построить здание национализма, в сущности, невозможно. А национализм в самом широком плане является формой исторической культуры, возникшей на «развалинах» более древних религиозных форм культуры, при этом он сохранил в себе «телеологический способ мышления». Важно отметить: далеко не все периоды и эпохи прошлого «равноценны» в данном отношении. Наиболее привлекательна – древняя история, так как практика «национализации» историознания свидетельствует, что именно древняя

¹ Левикова С.И. Молодежная субкультура / С.И.Левикова. М., 2004. С.39.

история представляет собою своеобразное «опытное поле» для культивирования мифологии этноцентризма.

Достаточно обширная практика написания новых «историй» свидетельствует, что научная истина в данном процессе не фигурирует в качестве научной и культурной ценности, так как в существе своем она сводится к «переписыванию», переизложению истории в ключе «ультрапатриотизма, замешанного на нетерпеливости, сиюминутности, поверхностном поиске в прошлом исторического величия» в направлении «удревнения», «героизации», завышения уровня развития, этновеличия и других этнических достоинств. Нередко «переписывание» сводится, по сути, к тотальной мифологизации прошлого тех или иных этносов, его непомерной идеализации, особой сосредоточенности на жестком экспансионизме России, колониальном гнете, русификации и ассимиляции коренных народов, их христианизации и геноциде»¹. Мифологизированная, национализирующаяся история менее всего склонна представляться таковой и, напротив, претендует на все научные атрибуты, начиная с критерия научной объективности исследований.

Потребности «этнического историзма» вызвали к жизни многочисленные «национальные концепции истории», остро конкурирующие друг с другом, а нередко – полярно противоположны (в случае, когда речь идет о противостоящих сторонах в регионах острых этнополитических конфликтов, скажем, в регионе Закавказья). Вместе с тем достаточно хорошо просматриваются и общие, объединяющие данные концепции факторы и тенденции. Отметим наиболее существенные из них. Важнейшая задача практически всех национальных исторических концепций состоит в том, чтобы отобрать у предшествующей советской традиции «свой» материал и тем самым сконструировать на его основе «свою историю». Причем, в таком виде, в каком она, якобы, была в действительности. А также – найти способ самовыражения через весьма поверхностный поиск в прошлом исторического величия. Общеизвестно: самым подходящим «клеем истории», задача которого – «переиграть» историческое прошлое по сценариям, соответствующим задаче идейно-политического обоснования процессов формирования новых независимых государств, а также – «суверинизировавшихся» республик Российской Федерации, оказались мифы. В этом просматривается достаточно жесткая функциональная связь, которая состоит в том, что национально-государственная идея выдает теоретическую санкцию на «конструирование нации», а последнее (конструирование) санкционирует, в свою очередь, «конструирование» истории. Происходит некая инструментализация прошлого, сверхзадачей которой выступает не его реальное осмысление, а этническая мобилизация и далее – национальное самоутверждение как отрицание и отторжение всего чуждого.

¹ Левикова С.И. Молодежная субкультура / С.И.Левикова. М. 2004. С.40.

В продолжение мысли возникает желание согласиться с имеющей место позицией рассмотрения процессов историзации (не только профессионально-группового, но и массового сознания) в качестве типичных примет и веяний последнего периода¹. Равно как и нельзя не принять во внимание точку зрения, по которой национальные историографии (хотя бы по вполне естественной, внутриэнтенциональной причине стремления каждого народа к этнокультурной идентификации) невозможно уничтожить в принципе: теоретически такая возможность допускается только при отказе от науки как от социального института, что так же априори не представляется возможным². В целом конъюнктурный национализм решает в истории скорее идеологические, нежели собственнонаучные задачи.

Таким образом, на общем фоне «ультрапатриотизма» при отсутствии полноценного исторического образования «вирус» этноцентризма снижает уровень исторических исследований. - В той мере, в какой этноцентризм выступает в роли историософского дискурса, историознание утрачивает научность и становится «arts fiction». Полагаем, что все выше сказанное и объясняет тот факт, что задача раскрепощения и обновления проблематики исторического знания и методологии исторического исследования, как никогда «вписывается» в современные парадигмы открытого образовательного пространства

¹ Зариков А.Я. Некоторые заметки об историческом самосознании / А.Я. Зариков // Философия и общество. 2000. № 2. С. 70.

² Афанасьев Ю. Феномен советской историографии / Ю.Афанасьев // Отечественная история. 1996. № 5. С. 146-156